

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 9-10 (68-69)

Дневник поручика Н. В. Симановского.

2 апреля - 3 октября 1837 г. Кавказ.

Публикуется в сокращенном виде по первому изданию:

Грозова И. Дневник офицера // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб.:

Журнал «Звезда», 2000. С. 377-427.

27 апреля. Сегодня в 6 часов утра мы выступили, моя рота была в авангарде; за Кунипсой мы расположились ночевать, кругом расположена цепь, черкесы показываются из-за кустов и на горах, но оставляют нас в покое...

28 апреля. Выступили в 4 часа утра, под Абином была маленькая перестрелка в арьергарде: по черкесам сделано 7 пушечных выстрелов картечью и ядром, с нашей стороны ранен один подпоручик Навагинского полка в копчик, а под другим убило лошадь. У Абинской крепости мы заняли позицию по обеим сторонам реки Абина (местоположение здесь удивительное: отсюда начинается цепь гор), где и ночевали.

29 апреля. Выступили в 5 часов утра и под самым почти Абином имели перестрелку, один тенгинец ранен в живот, пулю ему вырезали в спине. Я подъезжал во время перестрелки близко, пули свистели мимо, но черкес совсем не было видно: они стреляли из-за деревьев и иногда только показывались их головы, когда старались высмотреть, в кого метить. Вот их образ войны: они всегда стараются убивать так, чтоб самих их не видели; здесь они стреляли из фалконета (разновидность малой пушки, которая ставится на железную рогатину), и против них действовали пушки картечью и мортиры гранатами. Пройдя Кунипс, мы сделали привал, где и обедали.

Я видел, как раненому вырезывали пулю, и это произвело на меня неприятное чувство; он, бедный, вскоре умер...

[29 апреля отряд, в составе которого находился Симановский, возвратился на Кубань. — Прим. С. Х.].

5 мая. Сегодня приехал в лагерь генерал-лейтенант Вельяминов Алексей Александрович и остановился в крепости по сю (правую. — Прим. С. Х.) сторону Кубани.

8 мая. В 10 часов утра Вельяминов объезжал лагерь, войска построены были поротно в батальонных колоннах (солдаты — в шинелях и фуражках, а офицеры — в сертуках, фуражках и шашках). Впереди Вельяминова ехали три линейца, потом он со свитой и

сзади конвой, состоящий из 50 линейских казаков. Костюм их мне очень нравится: они одеты и вооружены совершенно как черкесы, а ловкостью и искусством в бою много превосходят самих черкес, одежда их легка и удобна как для конных, так и для пеших, многие из них «на всем скаку лошади поднимают с земли целковый», они рослы и хорошо сложены...

Теперь ужасная суматоха в лагере: все думают, что завтра выступим, и потому все укладываются, но о выступлении никто еще наверное не знает. Вельяминов никогда не предупреждает о выступлении, ибо это такого рода война, что надобно все делать сюрпризом, дабы черкесы не знали о нашем походе.

9 мая. В 6-м часу утра выступили из Ольгинского следующим порядком: в авангарде и арьергарде — кабардинцы (здесь и далее по тексту упоминаемые «кабардинцы» — солдаты и офицеры так называемого Кабардинского полка. — Прим. С. Х.), в правой цепи — навагинцы и в левой — тенгинцы. Мы шли по неизвестной дороге, где еще русские никогда не были, по направлению к Великолагерному посту (на нашей стороне реки Кубани); нашим вожатаем был лезутчик-черкес. Прошедши 22 версты и 138 сажень, расположились на ночлег, мой батальон и 2-й шли в колонне, перестрелки походом никакой не было, и даже не видели черкес. В 9 часов вечера наш батальон, 4 орудия и еще 2 батальона, тенгинский и кабардинский, выступили для занятия позиции и поправки мосту, мы шли очень скоро и услышали черкесские выстрелы (их сигналы), доходя до речки Цембы, где и расположились; по приходе кабардинцы убили одного черкеса, подкрадывавшегося к нашей цепи, тело коего осталось у нас. Отряд наш был под командой полковника Ольшевского.

10 мая. На рассвете первый выстрел убил наповал унтер-офицера Тенгинского полка, находившегося в цепи, пуля хватила его прямо в лоб. Потом пошла небольшая перестрелка в цепи, все утро мы

перестреливались и в 11-м часу услышали по пушечным и, наконец, ружейным выстрелам приближение нашего отряда, для которого уже выстроили мост через небольшую, но очень топкую речку; нам подали сигнал, чтобы не стрелять. По соединении отряда дело завязалось посурьезнее: сапсуги (шапсуги — Прим. С. Х.) напали на нас со всех сторон. Мы находились около аула на площадке, окруженной со всех сторон лесом — место для черкес очень выгодное. После сильной перестрелки, продолжавшейся около 5-ти часов, мы преодолели все трудности и наконец вышли из Цембейского лесу (у реки Цембы), потеряв несколько убитыми и ранеными. Ретирата была сделана чудесно под командой полковника Ольшевского после нескольких выстрелов из орудий, поставленных en chiqui (в шахматном порядке. — Прим. И. Грозовой), так что когда одно орудие ретировалось, то другое встречало неприятеля, мы ретировались бегом, без всякого урона. Черкесы дрались сегодня отчаянно (в сборе их было до 1000 человек), они раз 5 кидались на шашки; потеря с нашей стороны состоит из 128 раненых и 9 убитых, в числе коих ранен командир Тенгинского полка полковник Кашутин в бок к спинному хрящу; но с их стороны потеря должна быть тоже немаловажна. Им беспрестанно посылали в гостинцы ядра, что их более и удерживало, особенно при отступлении. Вышедши из лесу, сожгли аул, находившийся по опушке, и пошли по дороге к Абиному, перестреливались очень мало, ибо черкесы разъезжали лишь около своих аулов, которых здесь, по опушке, очень много.

Пять часов сряду огонь не прекращался; едва он утихал в одном месте, как усиливался в другом. Пять часов мы проходили лес, наполненный аулами, которые черкесы защищали отчаянно.

Н. М. Воспоминание о Кавказе 1837 года // Библиотека для чтения. Т. 80. Ч. 1. СПб., 1847. Январь. Отд. III. С. 55

Дорогой по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, не-

которые из них покрыты тесом, народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, и жито вышиной более двух аршин, пшеница тоже недурна; поля их засеянные, большей частью, огорожены плетнем, дабы скот не паса.

В Абин прибыли мы очень поздно, так что совсем смеркалось, и расположились ночлегом по реке Абиному.

11 мая. В 6 часов утра мы выступили и имели в цепи перестрелки до самой Николаевской крепости; местоположение здесь очаровательное: тут тянется цепь гор, между коими встречаешь прелестные долины, усеянные фруктовыми деревьями, и речки, текущая вода коих утоляет жажду усталых воинов. Николаевск построен совершенно в котле: он окружен со всех сторон горами...

12 мая. Выступили в 6 часов утра, шли очень медленно по причине ломки обоза, у ущелья (название пропущено. — Прим. И. Грозовой) имели большую перестрелку; 1-я мушкетерская рота занимала позицию под самыми выстрелами против ущелья, но бог помиловал: раненых у нас совсем нет...

Отретировавшись от этой лощины, мы прошли еще версты 3 и расположились на ночлег. Ломка аптеки Навагинского полка и прочего обоза, тянувшегося гусем, фура за фурой, заставила нас пробиться на одной поляне до 11 часов полудни, так что мы пришли на место лишь в 1/2 часа. Несмотря на темную ночь, эти полчаса я шел с большим удовольствием, это для меня было приятное гулянье: мы шли по прекрасным аллеям, освещенным разложенным огнем, отражение коего на деревьях производило чудесный эффект, стройные дубы обрисовывались в огне; пришедши на место, я поражен был новым привлекательным зрелищем: по всему лагерю огни и на самых вершинах гор, в цепных резервах, разложены огни полукругом, образующие группы прелестных звезд.

13 мая. Выступили в 6 часов и, пройдя, самое большое, версты 4, остановились на ночлег в 4 верстах от хребта

Нако; по прибытии на место мы заняли позицию на горе, обросшей лесом, около лощины; правее нас пошла порядочная перестрелка. Выстрелы из пушки ядром, поставленной около нас по направлению черкесской дороги (черкесы ездят на арбе — телега на двух колесах), раздаются величественно в горах, лес трещит, и это повторяет гул. С нашей позиции прелестнейший вид: внизу разбит лагерь, окруженный со всех сторон горами, усеянными лесом, облака гуляют ниже вершин оных, так что сливаются с небом...

Какие живописные здесь места! Может быть, со временем они будут составлять лучшую российскую губернию, черкесы принуждены будут скоро с нами помириться, ибо, отрезав им сообщение от Черного моря, у них будет большой недостаток в порохе, который хотя и делают сами, но их порох без примеси другого очень слаб. Воины их также убывают значительно, убыль одного в семействе для них много значит, хлеб и аулы их оченно (так в публикации Грозовой. — Прим. С. Х.) истребляют, угоняют рогатый скот и овец, что составляет их большую промышленность, таким образом, многие семейства остаются без куса хлеба. Положение такого рода должно скоро наскучить, несмотря на их воинственный дух. На вчерашнем переходе встретили мы на кладбище черкесский памятник, сделанный склепом, внутри пустой, это стоило им большой работы, ибо сделано довольно аккуратно из цельных камней (указание на дольмен. — Прим. С. Х.); на нем нет

Иногда попадались нам какие-то древние памятники из серого камня, с изображениями, которых нельзя было разобрать: так они почернели и заросли мхом; — это были фигуры то вроде полуразрушенных сфинксов, то похожие на каменных истуканов, так часто встречающихся в степях южных областей России; иногда же встречались гроты, сложенные из огромных камней (дольмены. — Прим. С. Х.); но все это ужасно ветхо, все покрыто мхом, из-под которого проглядывают века старины.

Н. М. Воспоминание о Кавказе... С. 65.

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством господина генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733. Л. 1

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

никакой надписи, он выстроен под горой, лазутчики говорят, что здесь похоронены храбрейшие из черкес...

14 мая. Выступили в 7 часов утра и в продолжение почти 2-х часов тянулись на хребет Нако, с вершины коего наконец увидели Черное море, на берегу коего мы расположились, и я тот же час отправился купаться...

Перевалившись через хребет, начинаются уже другие растения, другие деревья, здесь начинаются уже разные народы: сапсуги, нутхайцы и абазинцы.

Проходя хребет Нако, нельзя не удивляться дороге, сделанной в прошедшем году: каменья взрывали порохом, можем представить об трудностях, понесенных рабочими; она простирается почти на 4 версты, шириной сажени 2 1/2, она обнесена со стороны оврага стеной из сложенных каменье. При спуске нашем с хребта черкесы пустили по нас несколько камней с гор, но они ни стрелкам, ни колонне не причинили никакого вреда. На ночлег расположились мы по берегу Черного моря, возле крепости Александра, построенной в прошедшем году...

15 мая. Мы выступили в 7-м часу утра, пришли к Еленчику без выстрела и расположились на ночлег близ одного. По словам лазутчиков, 6000 черкес находятся в сборе около Анапы. Еленчик — порядочная крепостца на самом берегу Черного моря, против нее стоит несколько транспортных судов и пароход; море сильно волнуется по причине большого ветра.

В 1834 г. А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Ура, мы в Геленджике! Мы штыками проторили дорогу от Кубани до Черного моря, сквозь неприступные доселе ущелья, через подоблачные хребты, под градом пуль и стрел, и камней, и картечей!

Могущее слово Николая набросило нам мост на пропасти, сгладило горы в уровень. Великая мысль увенчалась великим исполнением: бесстрашный вождь наш наступил твердой стопой на гнездо самых дерзких и воинственных грабителей Черноморья.

Вы не сыщите Геленджика на карте; может быть, вы не подзреваете его и на белом свете. Эта крепость не более 3-х лет вышла на Черкесский берег, в бухте весьма удобной для рейда. Зоркое око русского правительства вдаль провидело пользу, которую можно будет пролить на линию и все наши закавказские провинции, обеспечив их торговлей и мирными поселениями, на месте занятом теперь приморскими разбойниками, притонами турецких контрабандистов и горскими хищниками. Об этих мерах взывало не только Отечество, но и человечество, и вот Геленджик возник и разросся на страхе и досаду окружающих горцам».

Марлинский А. К истории покорения Кавказа. Письмо из отряда, действующего за Кубанью. Октября 24-го дня, 1834 года. Берг Черного моря // Русский архив. М., 1877. Кн. 3. С. 109

16 мая. Места эти еще неизвестны, говорят, что большое народонаселение: Увидим, как встретят нас, незваных гостей, чем будут угощать... Цепь шла все время по горам, какая ужасная скука — лезть по горам, местами спускаться почти боком в ужасные лощины, держидерево рвет платье, зато встречается виноград, персиковые деревья, волосские орехи (волошскими орехами в России называли грецкий орех. — Прим. С. Х.), и вообразите роскошь: кипарисом мы разводим огни!

17 мая. Обоз под прикрытием всей легкой артиллерии и трех батальонов Тенгинского

полка остается здесь, мы же идем на выюках для рекогносцировки дороги, имея провианту на три дня. Выступили в 10 часов утра и шли в левой цепи, я под конец едва мог идти, ибо шли форсированным маршем и по ужасным горам и ярам почти без привалов. Мы сделали около 30 верст и остановились, потому что не было дороги и некуда было девать раненых, ибо с нами не было ни одной телеги и раненых несли на носилках. Перестрелка была не очень большая, ибо они нас не ожидали и торопились вытаскивать все из своих саклей. На самом месте нашего ночлега мы сожгли три аула...

18 мая. В 7-м часу поворотили весь отряд и цепь налево кругом и таким образом отправились обратно. Черкесы сами зажгли аул перед нашим выступлением, находившийся впереди авангарда, но обманулись, думая, что мы пойдем вперед; впрочем, они не замедлили поправить свою ошибку, и мы не успели отойти версты, как сильно начали напирать на аррьергард (аррьергард отступал, имея стрелков в две линии, одна из них ложилась, а другая ретировалась бегом) и преследовали его верст 6 или 7. В нашей цепи, которая при повороте сделалась правой, была также перестрелка, но важнее всех было, когда они, человек 200, иные из них в панцирях и шишаках, но большая часть оборванные и даже босые, пропустив авангард, напали на последнюю пару стрелков 1-й грендерской роты Навагинского полка, примыкавших к аррьергарду. Когда кинулись черкесы на цепь, убили

них убиты, одно ихнее тело осталось у нас... Идя лесом, я заметил, что черкесы вырубляют из деревьев наши пули.

По прибытии к месту расположения обоза у реки Мейзипс мы спускались с каменного утеса гуськом по узенькой каменной тропинке, рискуя на каждом шагу слететь вниз. Спустившись и стянув цепь, мы остановились на ночлег в колонне. Тотчас по прибытии на место, черкесы приехали для выкупа тела, но генерал Вельяминов отдал им без всякого выкупа...

19 мая. Сегодня меня насилу добудились — до такой степени я был уставши: меня всего разломало и я совершенно разбился на ноги, несмотря на это, я ходил еще на фуражировку в 10-м часу утра по реке Мейзипс к Черному морю. По дороге сожгли мы аул из 7 саклей и 2 лодки, одну 6-, а другую 12-весельные, и накопили для фуражу жита...

22 мая. Выступили в 6-м часу утра. Черкесы сильно нападали на авангард, потом, когда наша цепь и рота взбились с балки на гору, то черкесы из сделанного ими завалу (человек 250) сделали по нас залп из ружей и потом кинулись на цепь в шашки, но роты 1-я грендерская и вслед 1-я мушкетерская поддержали стрелков, кинувшись на них на штыки — ура! ура! ура! — сбили их с выгодной для них позиции и заставили бежать без оглядки. Эта стычка была для нас неминуемою счастлива, ибо у нас ни одного не ранили. После этого черкесы перебежали на правую сторону и завязали перестрелку в правой цепи. Мы прошли мимо многих аулов, из коих некоторые, по-видимому, богатые, ибо покрыты тесом, но ни одного из них не тронули, ибо сегодня был приказ генерала Вельяминова по отряду, чтобы аулов не жечь и ничего в них не трогать по случаю бывшей в прошлом году чумы; также не трогать хлебов...

24 мая. Двинулись в 6-м часу утра, на каждом шагу имели небольшие перестрелки, но когда начали взбираться на одну высокую гору (первая по левую сторону р. Пшады), то черкесы (числом до 500) открыли по нас батальный огонь с вершины горы. На протяжении почти версты в левой цепи пошла сильная перепалка, они думали на этом месте не пропустить нас к Черному морю. Мы принуждены были лечь и ползком под градом пуль взбираться на вершину; изнуренные и обремененные сухарями и бельем, солдаты едва могли лезть, потлил с них в три ручья. Казалось невозможным вскарабкаться по столь крутой горе на вершину. Черкесы засыпали нас пулями, но для русских нет невозможного: ободряемые примером своих начальников, они все ползком подавались вперед, наконец, когда мы были уже на полугоре, привезли пушку и ядрами через нас заставили на время умолкнуть дерзкого неприятеля, таким образом, под несколькими пу-

шечными выстрелами, мы ползком подавались все ближе к вершине. Пушка умолкла, и мы с барабанным боем открыли сильный батальный огонь — ура! — кинулись вперед и заняли одну высоту; черкесы удалились бегом на другую, которая командовала и которую мы тоже должны были занять. Здесь пушка уже не могла стрелять, и потому мы принуждены были сбить неприятеля с позиции батальным огнем и штыками, против которых ничто не может устоять. Вершина была нами занята в 5 минут. Барон Шейблер с стрелками занял ее первый. Таким образом, с малой потерей людей, находившихся под сильным (при занятии второй высоты — под перекрестным, ибо черкесы стреляли по нас из лесу с вершины и с балки) неприятельским огнем более получаса, мы заняли гору, по которой едва можно было ползти, не рискуя на каждом шагу свалиться...

В эту компанию я приобрел большой опыт в ведении горной войны, которая доведена здесь до совершенства. Кто бы мог поверить, что не только пехота и кавалерия, но даже сама артиллерия не только проходит повсюду, но и действует. Наши казаки и черкесские лошади как дикие козы. Зато уж самые черкесы — чистый идеал воина, в одно и то же время он отличный кавалерист и такой же пехотинец. Но так как они не переносят предводительства, то у них нет никакого порядка и дисциплины, и поэтому они всегда бывают биты и совершенно неспособны на что-либо серьезное. Ни один укромный уголок не ускользает от нас, так как мы появляемся повсюду; например, я занял однажды долину, считавшуюся жителями недоступной».

Из писем ген.-м. К. К. Феци к отцу. Лагерь у Ольгинской, 16 ноября 1836 г. Цит. по: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Fezi_K_K/text1.htm

После этого штурма мы вышли на прекрасную поляну, где сделали привал: мы расположились завтракать под тенью благоуханного орехового дерева в нескольких шагах от аула, где оставленные куры, которых никто не смел трогать, ужасно кричали; кругом нас вьется по деревьям виноградная лоза, кустарники диких роз. Жито, овес, ячмень, конопля, лен, кукуруза и прочее — всего есть в этом месте в большом изобилии, поля их, большей частью, огорожены плетнями; я видел даже привитые фруктовые деревья, что, вероятно, работа русских беглых. Вся баранта угнана в горы, здесь пропасть аулов, что и было причиной их упорной защиты. Надо было видеть нашу общую радость, когда мы, занявши вершину горы, увидели недалеко море, солдаты кричали от радости. По прибытии к Черному морю, где расположились лагерем по обоим сторонам реки Пшады, генерал Вельяминов благодарил 1-й батальон за взятие штурмом горы... Благодаря богу, мы прибыли на место, где предполагается построение крепости.

25 мая. Как приятен отдых после стольких трудов! Люди отдыхают, моют и сами моются, но несносные черкесы не хотят оставить нас в покое, несмотря на то, что мы не ждем их аулов. Они с разных сторон палят из фалконетов, коих числом не более трех, и уже убили одного солдата Тенгинского полка наповал, стоявшего на пикете. Перед самой

смертью он закурил трубку, и когда все легли и караульный офицер приказывал ему лечь, то он сказал: «Ваше благородие, эти лоскутники стреляют понапрасну: пуля сюда не долетит», — вслед за его словами — выстрел из фалконета, и он упал мертвым...

Пять суток шли мы до устья р. Пшады, окруженные массой горцев. Убыль в войсках оказалась довольно значительной; мы везли и раненых, и убитых до ближнего бивуака. По приходе на бивуак, опускали их в глубокие вырытые ямы и по совершении упокойных молитв, в честь отшедших — делали боевые выстрелы в сторону неприятеля.

Самсонов Г. Из записок старослуживого // Русский вестник. 1892. № 10. С. 112-113

27 мая. Бывши на фуражировке, я срисовал крест и на шесте наткнутую козину голову, но ни от кого не мог добиться настоящего значения оных. Иные говорят, что это приношение жертвы перед на-

чатию посева, а иные уверяют, что они этому поклоняются. (Друидический стяг в виде козлиной шкуры на кресте, закрепленном на высоком шесте, был посвящен черкесскому богу молнии Шибле. — Прим. С. Х.)

28 мая. Черкесы уже не стреляют и нигде не показываются, они, верно, занимаются теперь устройством новых жилищ; им очень неприятно, что мы заняли эту бухту, на берегу коей стоят до сих пор две сакельки, в коих производился торг с турками, которые доставляли им соль, ибо и теперь еще на берегу находят соль. [Долгие годы поставками соли в Пшаду занималось Попечительство торговли с горцами под руководством Рафаэля Скасси, представлявшее интересы русского правительства. — Прим. С. Х.]...

1 июня. Место для крепости совсем расчищено, тысяча человек каждый день работают, лес вырублен, и теперь делают кирпич, полагая выделять в день по 20 тысяч. Место для крепости Вельяминов уже назначил колышками, поспел кирпич, и тогда приступят к заложению крепости.

Прелестная роща, бывшая на берегу Черного моря, уже вся вырублена — как жаль мне ее! Этких рощ мало можно встретить; посреди этой рощи был аульчик, вероятно, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью дерев, увитых виноградной лозой, или гуляли, наслаждаясь чистым, благоуханным воздухом. Я не в

ЧЕРКЕССКОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Из истории Екатеринодарского Черкесского благотворительного общества

Начало в выпуске 8(67).

К 100-летию первой на исторической Родине общенациональной общественной организации адыгов

Не прекращалась и разнообразная социально-филантропическая деятельность общества. Благодаря его инициативе и материально-финансовому участию в Екатеринодаре основывается Черкесский госпиталь для демобилизованных раненых горцев, возвращавшихся с фронтов мировой войны. Кроме того, члены общества участвовали в сборе благотворительных средств в пользу немущих и нуждающихся горожан, независимо от их национальности и вероисповедания; оказывали материальное содействие региональным отделениям «Общества борьбы с нищенством» и «Общества борьбы с туберкулезом»; участвовали в проведении дней «Белого цветка» и сборе пожертвований для нужд фронта и т.д., на что нередко обращала внимание кубанская пресса того времени.

В последние предреволюционные годы общество усилило свои позиции привлечением в правление целой группы передовой и прогрессивно настроенной интеллигенции (С. Довлет-Гирей, С. Сиухов, А. Намитов, А. Бжассо и др.). Акценты в работе организации заметно смещаются в направлении посильной поддержки и поощрения национальной

культуры и просвещения.

Общество прилагало целенаправленные усилия по расширению школьной сети, учреждению заведений повышенного типа (наподобие незаконно отчужденной у адыгского населения Майкопской горской школы), организации Музея черкесской истории и культуры и очередных учительских курсов. 20 июня 1917 года общество регистрирует обновленный устав и реорганизуется в Черкесское культурно-просветительное общество [15]. Однако известные политические события 1917-1920 гг. внесли определенные коррективы в программу и практическую работу организации. Гражданская война в регионе, носившая особенно ожесточенный характер на территории расселения адыгов, «красный террор» и систематические насильственные «экспроприации» привели к многочисленным материальным и людским потерям, массовому распространению эпидемических и пр. болезней, вследствие чего катастрофически повысится заболеваемость и смертность среди горского населения. С целью оказания эффективной медицинской и лечебно-профилактической

помощи больным и раненым соотечественникам Черкесскому обществу в тесном взаимодействии с горскими депутатами Краевой Рады удалось добиться открытия в ряде селений первых фельдшерских пунктов, а екатеринодарский госпиталь в ноябре-декабре 1918 года преобразовать в постоянно действующий Горский (Черкесский) лазарет с мужским и женским отделениями. В новое лечебное учреждение были приглашены врачи и ординаторы, владевшие адыгским языком. В качестве сестер милосердия и сиделок в лазарете дежурили женщины и девушки из семей состоятельных черкесов и черкесогаев Екатеринодара, незадолго до этого объединившиеся для содействия обществу в Черкесский дамский комитет. Лечение в лазарете было бесплатным, содержался же он за счет средств отпускаемых Черкесским обществом и пожертвований. (В 20-е гг. на базе госпиталя и лазарета возникла Черкесская (Адыгейская) областная больница...) [16].

В июне-июле 1919 года в помещениях Екатеринодарского городского училища состоялось одно из последних масштабных начинаний общества

— вторые национальные учительские курсы. Содействие в их проведении, организационное и материально-финансовое, оказали члены правления Черкесского общества, ранее избранные горским населением в Кубанскую Рад и законодательное собрание. Общее руководство курсами, как и прежде, осуществлял признанный адыгский педагог-новатор, секретарь правления общества Сефер-Бей Сиухов, учебной частью заведовал подвижник национального просвещения Харун Тлецерук. Программа курсов включала родной и русский языки, арифметику, адыгскую историю, методику обучения и вероучение. В качестве пособий использовалась учебная литература на черкесском языке, в т.ч. «Адыгская азбука» С. Сиухова и И. Хидзетля, изданная в 1918 году. Учебные предметы преподавали учителя и эфендии Нох Цеев, Мишеуст Набоков, Хабиб Течехук и др. Учительские курсы были организованы также при народных училищах отдаленных от областного центра населенных пунктов. Курсы 1919 года окончили 54 учителя и вероучителя, получившие официальные свидетельства о праве работы в аульских школах [17].

Далеко не все из намеченного Черкесским благотворительным (с июня 1917 г. — культурно-просветительным) обществом по объективным причинам удалось реализовать. Тем не менее, эта первая в пределах исторической Родины общественная организация, в которую объединились для практического воплощения в жизнь своих социально-реформаторских и просветительских идей и устремлений наиболее видные национальные деятели начала XX века, несомненно, внесла значительный вклад в просвещение и социальное развитие, в художественную и в целом духовную культуру адыгского этноса.

Примечания

15. Там же. №1019-1020.

16. Данные сведения извлечены из рукописных материалов доктора А.Х. Бжассо, хранящихся в фондах Национального архива РА и др. источников.

17. Сихъу С. [Адыгэ курсхэр] // Адыгэ гъэзет. — Екатеринодар, 1919. №7. С.2.

Аз.К. БУЗАРОВ

Организаторы и участники 2-х Черкесских курсов: Кучук Натырбов, Сефер-Бей Сиухов, Абдул Хатанов, Шабан Кубов, Дауд Аишамаф, Ахмет Хатков и др., г. Екатеринодар, июль-август 1919 г. Из фондов НМРА.

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно, теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благоуханного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем выроют. Секира все истребила.

Тотчас по занятии места на берегу моря, близ устья речки Пшады, генерал Вельяминов приступил к разбивке укрепления. Для этого первоначально истреблены были все окружные леса, на расстоянии пушечного выстрела, чтобы тем лишить горцев возможности скрытно приближаться к крепости. Жаль было смотреть на эти могучие дубы, которых сама железная рука времени щадила целые столетия, и которые теперь падали под нашей железной секирой! Жаль было уничтожать красивые рощи серебристой пальмы, роскошные купы виноградных лоз, и этот приветливый плюш, который так ласково обвивал своими молодыми, свежими стеблями ветхие корни буков и вязов! Но такова участь войны — в ней гибнет жизнь для новой жизни!

Н. М. Воспоминание о Кавказе... С. 69.

2 июня. В 6 часов утра ходили верст за 7 на фуражировку с Ольшевским, а возвратились в 5 пополудни; шли в колонне, при возвращении черкесы сильно нападали на левую цепь и арьергард. Они сегодня были чрезвычайно смелы, одно наше счастье, что выстрелы их, очень частые, были не совсем-то удачны. Некоторые из них подбегали к арьергарду на ровном месте ближе, чем на ружейный выстрел, не обращая внимания на орудия, из которых жарили по ним картечью, в особенности мне было досадно на одного джигита в белых штанах. Он преследовал арьергард бегом с места до самого лагеря, но выстрелы его были неудачны: ни один из наших в арьергарде, кроме одного артиллериста не был ранен. Их было в сборе до двухсот человек... Ночью стреляли они из-за речки залпами из ружей, не делали никакого вреда. Я и не виню их, они должны же, наконец, остервениться и стараться как можно больше наносить нам вреда, ибо что им больше осталось? Жилища их заняты, хлеб истребляют на фуражировках...

6 июня. Воскресение (Троицын день). Сегодня праздник Навагинского полка и заложение крепости, названной Константиновской (в итоге, укрепление называли Ново-Троицкое. — Прим. С. Х.), и мне досадно, что я не могу быть в параде — мой мундир до сих еще пор не привезен из Еленчика. Заложение крепости было следующим порядком: после обедни служили молебен на месте, назначенном для постройки крепости, потом это место окропили святой водой, сделали 101 пушечный выстрел, войска прошли церемониальным маршем мимо Вельяминова, аинси, finita la comedia (итак, комедия окончена. — Прим. И. Грозовой).

7 июня. В 2 часа пополудни наш батальон и один горный единорожек (длиннохвостая гаубица, стреляющая гранатами. — Прим. И. Грозовой) ходили для рекогносцировки дороги, идущей вдоль морского берега в Уланы (Вулан или Чепсин. — Прим. С. Х.); дорога здесь мерзкая: узенькая и частые овраги, так что горный

единорожек спускали и вытаскивали почти на руках. С легкой артиллерией и со выюком невозможно идти, мы ходили не далее двух верст, ибо тут дорога совершенно пропадает. По левой стороне дороги есть три небольших аула, по полям

прекрасный хлеб. На второй версте отрезали мы одного черкеса, стоявшего на пикете, он, заметивши нас, побежал в балку и с балки к морю. Когда он окружен был нашей цепью со всех сторон, то переводчик кричал ему, чтобы он сдался, что ему решительно ничего не сделают, но он, добежав до берега, бросает на берегу свою шапку и чевяки и кидается в море вплавь, отплывши шагов сто, кидает в сторону пистолет и шашку (ружье закинул еще в балке) и кричит, что он лучше утонет, чем сдастся. Пули градом на него посыпались, и он пошел ко дну, кровавое пятно лишь означало место, где он тонул, и линейный казак нырял несколько раз, чтобы достать его тело, но оно было слишком глубоко, оружия его тоже не могли достать. Как нравится вам дух этого черкеса? Но не трусость ли это, не боязнь ли сделаться пленником? Нет, я думаю, что это не что иное, как азиатская твердость характера: он решил лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы!...

9 июня. Вельяминову дано знать, что два турецкие судна выгрузились в 4-х верстах от Джубы (Джубги. — Прим. С. Х.), почему и послан сегодня один батальон, 3-й Тенгинского полка, на пароходе и брига «Меркурии» под командой капитана 1-го ранга полковника Серебрякова, дабы сжечь эти суда...

10 июня. 10-е число нам другой раз уже не совсем-то благоприятствует. Я после обеда спал очень дурно, меня во сне все что-то беспокоило. Я скоро проснулся и чувствовал сильное биение сердца, может быть, причиной тому — чрезмерные жары, которые с вчерашнего дня начались. Выхожу из палатки и узнаю от человека Шейблера, что князь Долгорукий убит. Я не верил, послал моего человека, но, не дождавшись его прибытия, побежал с Яковлевым в его палатку — и вижу бедного князя на постели, покрытого простыней. Слезы невольно у меня навернулись, все, находившиеся здесь, были в каком-то недоумении, печаль написана была на лицах, все посматривали изредка друг на друга, не го-

воря ни слова, даже никого не приветствовали; слезы облегчали немного их горе: ах! ужасно видеть товарища, который третьего дня был здоров и весел, мертвого, ужасно! Я отдернул слегка простыню, чтоб посмотреть его лицо и рану. Он совсем не переменялся, на лице осталась даже прежняя улыбка. Жаль его, очень жаль, он был прекрасный товарищ и умер так молод — ему не больше 20 лет. Но что ж делать, мы все живем под богом, умирают не старые, а поспелые. Мы не могли найти стола, чтобы положить его, и потому, приказав его обмыть и одеть в мундир, вынесли на кровати в церковь.

Теперь опишу, каким образом сделан был десант. Десант на берег сделан был на рассвете, в 4 часа утра, в 4-х верстах за Джубой, и оставались там до 10 утра. Черкесские пикеты, заметив еще издали парход, зажгли по всему берегу маяки (сигналы для сбора), и в четверть часа их было уже в сборе до 600 человек, однако ж они не мешали десанту, но по всей горе в каждой ложине поделали засады, так что стрелки наши, которые пошли занять высоты, должны были из каждой балки выбивать их штыками; 27 раз ходили наши на ура в штыки, на 3-м завале роковая пуля ранила Долгорукого с правой стороны в грудь, в самую верхнюю пуговицу, половина пуговицы с сукном взошли в тело, и князь пал мертвым с обнаженной шашкой в руках. Стрелки заняли все высоты, и наши зажгли сначала одно судно, а потом и другое, но последнее черкесы успели по отступлении утащить в речку и потушить. При отступлении они крепко наседали: они гикали со всех сторон и стреляли в 3-х шагах. Стрелки не смели поднимать голов, одни лишь флотские орудия удерживали немного их запальчивость, артиллерии нашей не было. Потеря была с нашей стороны немаловажная... Многие из рядовых ранены стрелами...

Надо заметить, что у горцев вообще ружья — винтовки, которые бывают чрезвычайно далеко и так метко, что на расстоянии, где выстрелы наших ружей уже недействительны, — винтовки горцев наносят еще сильный вред; огонь их бывает убийствен, когда горцы, засев в закрытом месте, стреляют, положив ружья свои на так называемые подсохи; но при отступлении выстрелы их также не верны, и потому тут они часто заменяют их шашками, которыми дерутся отчаянно.

Горец легок как серна, и трудно угоняться за ним по гористой местности; он быстро взбирается на гору, еще быстрее сбегает с нее, прыгает через рвы, заряжает в то же время ружье, стреляет, опять бежит; солдат теряет его из виду, и вдруг падает от его пули!

В горах черкесы сражаются пешие; оружие у них отлично хорошо, потому что лошадь, шашка и ружье составляют все желания горца; все приобретенное им употребляет он на них; и когда раз желание его сбылось, он сгорает нетерпением померяться своей шашкой, похвастать меткостью пули своей и прыткостью коня! Иногда являются между горцами и панцырники; они сражаются конные, на голове их шишак с забралом, а на груди стальной панцырь под чекменем.

См.: Н. М. Воспоминание о Кавказе... С. 67-68.

11 июня. В 8 часов утра, после обедни, хоронили Долгорукого, мы несли его гроб на руках, все прикомандированные гвардейцы здесь были в мундирах, сам генерал Вельяминов, в мундире и ленте, сделал

Фуражировка обходилась нам не дешево, потому что горцы, видя уничтожение своих роскошных нив, обработка которых стоила им больших трудов, в особенности по покатосям крутых гор, дрались отчаянно. Не знаю, что после нас осталось горцам для зимнего пропитания. Все хлеба были выкашиваемы, и все плоды обираемы нами; только стада, угнанные заблаговременно дальше в горы, уцелели от разрушений войны. Невзирая на это, воинственные горцы не хотят покориться!

См.: Н. М. Воспоминание о Кавказе... С. 70.

нам честь своим присутствием: он сам вынес с нами гроб из церкви и шел до самого кладбища. Это погребальное шествие было чрезвычайно трогательно: не только мы, но даже и посторонние не могли удержаться от слез. Похоронили его у подошвы горы под деревом, недалеко от морского берега, под пушечным выстрелом из крепости. Он думал приехать сюда на три года и остался навсегда, царствие ему небесное, вечный покой.

12 июня. Ходил с Ольшевским на фуражировку за Навагинскую гору... Моя рота занимала большой аул, чтобы никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье [Леонтий Люлье, комиссионер миссии Скаси в Пшад в период, предшествующий русско-турецкой войне 1828-1829 гг., в это время (1834-1837 гг.) был прикомандирован к штабу Вельяминова и служил переводчиком. — Прим. С. Х.] жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота. Она состоит из одной комнаты, как и все сакли вообще, чисто вымазанной глиной внутри, без потолка и пола, печи нет, а сделана внутри комнаты к стене между окном и дверью труба, расширяющаяся книзу и не доходящая до земли на 1 аршин, они под ней разводят огонь и готовят кушанье. Места для постели сделаны немного повыше полу, одна дверь и одно окно, очень низкое, закрывающееся деревянными ставнями. Крыша покрыта соломой, под одной крышей сделана также чистенькая конюшня для лошадей. На дворе сде-

персика, которые унижены фруктами. Это огромный аул, состоящий сакель из 50-ти, где живут его крестьяне. Как обвинять их теперь, что они, вывешив к свободе, не хотят с нами примириться и защищать свои прелестные места?

13 июня. Сегодня получено известие, что отряд, состоящий под командой корпусного командира барона Розена, сделал десант в Адлер. Потеря состоит в 60 раненых и убитых, в числе коих ранено 5 офицеров и изрублен шашками Бестужев, тело коего переходило несколько раз то к черкесам, то к нашим, и, наконец, осталось у черкес. Итак, в этом году мы лишились двух славнейших людей: Пушкина и Бестужева.

22 июня. Сегодня в 6 часов утра приехал корпусный командир барон Розен и осматривал лагерь и крепость, а в 6 вечера уехал. Ольшевский ходил сегодня на фуражировку в ущелье на правой руке, не доходя Навагинской горы. Пришедши на место, 2 роты Тенгинского 2-го батальона заняли позицию на одной горе у балки, черкес было не более 30-ти, но потеря наших была немаловажна. Черкесы действовали молодцами и стреляли почти в упор...

25 июня. Сегодня мы были у обедни в полной форме по случаю рождения государя императора. Вельяминов тоже был, по окончании литургии, когда провозглашали государю многие лета, из орудий сделали 101 пушечный выстрел... Все наши прикомандированные прошедшего года, кроме раненых и графа Бенкендорфа, получили орден Святой Анны, а раненые и граф Бенкендорф — Святого Владимира.

26 июня. Ходил с Полтинным на фуражировку версты за две по берегу моря, черкесских выстрелов было не более 5, ибо они едва успели выбраться из аулов. Не более, как за 400 шагов, в виду нашем, они конвоировали своих черкешенок — это меня удивляет: они отсюда еще не удалились, зная, что мы не оставим их в покое. Аул их совсем разобрали для дров, а хлеб покосили для лошадей. Мне жаль было сегодня смотреть, какой овес и просо мы выкосили: сколько трудов стоило им вспахать, посеять и на сколько бы времени достало им хлеба!...

27 июня. Я выбрил сегодня голову и ношу ермолку, а парик берегу для казусных случаев, Вельяминов объявил, что 10 июля мы идем в Джубу. Можно ожидать славных дел, ибо это их последний ресурс, это их столица; в Уланы зайдем только для снятия

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

местности на план. Какие предстоят еще трудности! Через сколько горок должны мы перебраться! Но чему быть, того не миновать....

1 июля. ...Но и здесь мы тоже прогуливаемся по прелестным горкам, но прелестным для глаз, а не для того, чтобы на них ползать. В 5-м часу утра с Ольшевским мы ходили на фуражировку, не доходя Навагинской горы, налево, лошадей с нами было очень мало, а фуражу пропасть, и потому мы кончили очень скоро. Черкес было человек до 500, они стреляли сегодня в первый раз из пушки (длинная, как на торговых судах), но их 4 выстрела не сделали нам ни малейшего вреда... У них теперь большой сбор (вчера давал знать Ольшевскому лазутчик), к здешним приехали абазехи и сапсуги с Шепса и Афиписа.

6 июля. 4 батальона под командой генерала Штейбе ходили за рубкой леса для крепости в ущелье налево. Рубка сия продолжалась чрезвычайно долго, ибо деревья рубили на высокой горе, откуда падали они в ужаснейший яр, где их обрубали и вытаскивали, так что около одного дерева возилось до 80 человек; можно представить, как шло это медленно, ибо с 6 утра до 9 пополудни они нарубили всего 20 деревьев. В левой цепи во весь день, а особенно к вечеру, продолжалась перестрелка, и у нас убито и ранено 12 человек: убитых — 3, а раненых — 9, в том числе 1 убит и 2 ранено деревьями — вот как дорого стоили нам эти деревья. Я не был.

8 июля. Зритель, верно, удивился бы, куда и зачем так близко к цепи и даже за цепь бегут со всех сторон офицеры, какое любопытство влечет их. Я сам бежал, как сумасшедший. Линейный батальон возвращался, и мы бежали навстречу, дабы увидеть черкешенок, одним словом, увидеть женщину, это милое создание, которого мы уже более 2-х месяцев не видели. Мы и не обманулись: на телеге везли старика и старуху, отца и мать перебежавшего к нам черкеса, и молодую жену его с ребенком. У ней прелестные глаза, но она не брюнетка — у ней русые волосы, бела и бледна, может быть, от незнания своей будущей участи, но видно также, что она очень изнурена; она очень мила, и ей нельзя дать больше 18 лет. Мы провозжали ее до самого штабу, забыв даже, что уже давно 12 часов (час обеденный); муж ее ехал верхом в свите Полтина, а другие черкесы из нашего отряда джигитовали перед ней и стреляли в бумагу...

9 июля. Ужасная суматоха: везде ломают балаганы и строят новые на берегу моря для больных, которых по случаю сильной зыби еще нельзя переправлять. Часть артиллерии везется в Уланы на кораблях... Сегодня из 2-й грендерской роты Навагинского полка, прикрывавшей пасущийся скот, бежало три солдата, они из противоположной горы начали

кричать и манить к себе других, но по ним пустили гранату, которая лопнула сзади их, и они ушли бегом. Странно, что здесь в военное время не позволено расстреливать беглых, оттого-то так много дезертиров...

12 июля. В 4 часа утра выступили с полковником Бриммером для разработки дороги через гору Суемчеатель (адыгское произношение Шомыкзэуаль, что означает «Углевая залежь». Это название содержится в устных преданиях адыгов, зафиксированных Юсуфом Нагучевым. Это ценное пояснение дано нам Нуржан Емыковой, изучающей интеллектуальное наследие Ю. Нагучева. На карте, которая приводится в данном выпуске, к востоку от верхнего течения Пшада отмечено название горы Суемчеватль, что также близко передает адыгское произношение. — Прим. С. Х.), поросшую густым, толстым лесом; через нее проходит извилистая, узенькая, неровная черкесская дорожка, которую мы и должны были разработать так, чтобы легкие орудия удобно могли пройти и зарядные ящики в три лошади...

Подавались вперед очень медленно, ибо каждую возвышенность должны были брать штурмом и выбивать черкес из завалов штыками; местность черкесам очень благоприятствовала, но они дрались очень дурно; артиллерия наша почти не могла действовать, кроме обстреливая дорогу, 5 раз или более кидались мы на штыки и выбивали черкес из выгодной для них позиции. Трудно остановить русских солдат: когда они кидаются на штыки, для них нет препон. Множество крови служит верным доказательством, что черкесы имели большую потерю, при занятии одной высоты отбито несколько шашек, шапка вся в крови, пистолет и несколько патронов с порохом и пулями — это видно, что они еще не успели опомниться, как русские были уже на вершине. Здесь черкесы вместо обыкновенного гика, когда кидались на шашки, кричали: «Ура!» — между ними было много русских беглых. Часу во 2-м пополудни присоединился к нам отряд, и наш батальон послали в подкрепление в левую цепь, где мы и шли до самого ночлега. Итак, можно сказать, что очень счастливо перевалились через гору Суемчеатель — место, столь удобное для черкес; жаль только генерала Штейбе, командовавшего правой цепью: он тяжело ранен в грудь навывлет, с левой стороны пониже сердца. Он шел вместе с стрелками, и когда против одного аула начали черкесы стрелять, то он, показав, как стрелкам должно проходить мимо аула, приостановился, дабы показать следующему ротному командиру, как должно ему следовать; тут цепной офицер и ротный командир просили его, чтобы он не стоял на тычке (так в публикации Грозовой. — Прим. С. Х.), а чтобы сошел в роту, ибо его

могут ранить, а что они сами передадут и исполнят в точности его приказание, то он сказал: «Скажите, пожалуйста, чем жизнь моя лучше вашей?» — не прошло 5 минут — и он ранен...

Горцы же, при нашем приближении, открыли из-за плетней и из низеньких, почти при земле устроенных окон саклей, редкий (из экономии пороха), но меткий огонь, и, «на ветер пороха не трать», они выбирали любого. Не прошло пяти минут, как срезаны были: один передовой унтер-офицер, 4 рядовых, и в то же время генерал Штейбе упал на руки конвойных грендер, простреленный пулей в грудь навывлет. Рота крикнула «ура!» и бросилась на сакли; завязалась рукопашная свалка, — горцы побежали. Аул зажигать не приказано, чтобы пожаром не затруднить следование цепи; такое огненное удовольствие представлялось всегда арьергарду, хотя правило это, как объяснял я выше, нередко нарушалось усердием некоторых ротных командиров, чересчур согретых чувством патриотизма. Между тем, фельдшер наскоро перевязал рану генерала; соорудили кой-как из ружей и наломанных ветвей, прикрытых солдатскими шинелями, носилки и отправили генерала в колонну. Ротный командир, по недостатку при роте офицеров и убыли из строя унтер-офицеров, приказал мне, как бывшему офицеру (я тогда был рядовым), взять 16 рядовых и конвоировать в колонну генерала вместе с другими ранеными. Около носилок генерала шел фельдшер и его адъютант Попандопуло, отирая слезы. Генерал сказал дорожно: «я бы хотел увидеть Государя и тогда спокойно бы умер; Его Величество не оставит моего семейства». Затем, обратясь к адъютанту, который нес, очищая от крови золотые часы генерала, добавил: «возьми эти окровавленные часы себе на память; мои де часы сочтены».

Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879. С. 84-85

13 июля. Выступили в 6-м часу утра, день был чрезвычайно жаркий, мы шли в колонне (1-й батальон) лишь по назначению, ибо беспрестанно занимали позиции и брали штурмом горы. Шли до самого Аулана (так в публикации Грозовой и, видимо, такая же форма в оригинале. — Прим. С. Х.) по широкому ущелью, черкес было сегодня очень много, но стреляли они слишком далеко, так что пули не долетали до цепи. У них была пушка и 10 фалконетов — все они почти были с левой стороны, и самое большое собрание было на одной горе, весьма для них удобной, через которую левая цепь должна была проходить, и 2-му батальону Навагинского полка должно было взять ее штурмом. Черкесы спустились в аул под горой и засыпали пулями, Загоскин послан был с горным единорожком для обстреливания горы и аула, только что прибыл он на место, один артиллерист убит и два ранены, он остался только с двумя, и сам банил орудие. 52 выстрела выпустил он, и орудие до того раскалилось, что он рисковал, что ему оторвет руки. Тут второй батальон при громком ура кинулся занять гору... Когда заняли гору, то, зашедши в аул, увидели ужасную потерю у черкес...

Ущелье и самая бухта Улан-

ская гораздо шире Пшадской, народонаселение очень большое, ибо все ущелье, которым мы проходили, и горы засеяны хлебом, но аулов по дороге видно было очень мало, а то в таких местах, что, идя мимо

самого аула, не подозреваешь, чтобы там были строения. Природа в Пшаде разнообразнее: здесь нет тенистых деревьев орешника, нет ни таких садов, ни рощ, здесь, большей частью, мелкий лес и кустарники, а держидерева столько, что пробраться трудно...

14 июля. В 8 часов утра меня насилу добудились, и я отправился с батальоном на аванпост для занятия левой горы от моря. Черкесы сделали по нас несколько выстрелов, но мы заняли гору благополучно, расставили цепь и приказали для стрелков поделять тотчас завалы. Вода в речке Аулан, впадающей под этой горой в море, соленая, и берут воду для питья с другой речки, Тешепс, впадающей в море под противоположной горой. Суда транспортные пришли раньше нас двумя днями, и черкесы стреляли по ним из фалконетов...

17 июля. Черкесы беспрестанно стреляют в тенгинцев, которые занимают противоположную гору, они даже установили противу них орудие и подпалывают из-за балки то в них, то в лагерь, но два наши орудия, поставленные по протяжению оной балки, заставили черкес тот же час удалиться с занимаемой ими позиции.

В 5 часов пополудни Вельяминов осматривал позиции на обеих горах, и с горы, занима-

емой тенгинцами, его спускали на руках...

19 июля. Наш походный штаб-офицер, князь Шаховской, уехал в Одессу для разных закупок, а на место его назначен граф Толстой. Наш барон Штакельберг и все больные и раненные уехали сегодня в Тамань. Сегодня я принужден был встать в 4 часа утра... сильная ружейная перестрелка и частая пальба из пушек не дали мне уснуть, и я принужден был встать. Пальба эта происходила на фуражировке, на которую отправился полковник Ольшевский с 3 батальонами в 5 часов утра и расположился фуражировать в виду самого лагеря, 1-й батальон Навагинского полка шел в правой цепи. Ольшевский, желая надуть черкес, пошел сначала по ущелью прямо, забирая даже вправо, но потом вдруг велел правой цепи зайти правым плечом вперед и поворотил колонну совсем налево, почему и пришлось 1-му батальону занять гору, по левую сторону ущелья находящуюся. Тут при прохождении 2-й роты мимо аула под горой черкесы начали стрелять из балки. Зазыбин, бывший только один офицер в роте, кинулся с стрелками на ура в штыки, наши с черкесами сошлись не более как на 10 шагов, один лишь каменный бугор разделял их, никакие приказания Ольшевского, чтобы Зазыбин остановился, не помогли: он до того разгорячился, что не помнил себя, он все кричал своим стрелкам: «Вперед!» — и, выбежавши за цепь, положен был на месте: в грудь с левой стороны чуть ниже шеи. Когда четыре стрелка кинулись за его телом, то в ту же минуту все четыре были ранены, и черкесы гикнули, переранили еще многих, взяли тело Зазыбина и сняли с него все догола; в это время подоспела 3-я рота и, кинувшись на ура, отбила тело... Зазыбин — прекрасный молодой человек, его очень жаль, он командовал 2-й мушкетерской ротой и третьего только дня получил орден Святого Станислава за прошлогоднюю экспедицию и не успел еще ни разу надеть его. Вот наша жизнь!...

27 июля. Черкесы приезжали для выкупа тела, давали двух лошадей и оружие, но Вельяминов объявил им, что если хотят иметь тело, то чтоб привели 10 быков к вечеру, на что они не согласились и просили,

По этой дороге нам встречалось множество обширных аулов, хорошо, даже красиво выстроенных; это уже были не простые мазанки горцев, соседней наших у Кубани, но правильные, чисто выстроенные бревенчатые избы, где, впрочем, кроме скамеек и кое-какой деревянной утвари, мы ничего не нашли. Иногда только в амбарах отыскивали пшеницу в зернах, и кое-где листовой табак. Все покатоги гор, удобные для хлебопашества, были засеяны просом и другими хлебами. По долинам ущелья разнообразились огороды, и обильно созревали всякие плоды и ягоды; между последними в особенности замечателен так называемый кизил, крупная, продолговатая, красного цвета ягода, растущая на высоких кустарниках; прохладительный, кисловатый вкус ее очень приятен.

Разумеется, что всему этому доставалось от нас не хуже чем аулам; каждое плодовое дерево было точно так же штурмовано, имея своей единственной и всегда тщетной обороной незрелость! Каждый виноградник получал очень печальную наружность после наших радостных приветов.

Обилие здешних трудов показывало обилие рук, то есть большое народонаселение. В богатых аулах встречались хорошо устроенные кузницы, и одна из них была особенно примечательна обширностью своей и тем, что находилась у подошвы горы, богатой железной рудой. Тут устроены были горны, и стояло несколько отличнейших, чугунных, больших топил, что заставляет предполагать в здешних горцах знание какого-нибудь искусства; вероятно, они делают оружие.

Н. М. Воспоминание о Кавказе... С. 8.

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА Н. В. СИМАНОВСКОГО

чтобы отдали им тело и что и они будут за это отдавать наши тела, но Вельяминов сказал, что ему мертвых не нужно.

Приезжавший сегодня уздень для выкупа тела есть главный бунтовщик между шапсугами, он считается между ними самым храбрым и от важным, и точно, судя по нем, и должен быть таковым: 12-ти вершков росту, лицом бел, быстрый взгляд, хорошо одет и отлично вооружен, он показывал патроны, выстреленные по нас...

28 июля. Морской штаб-офицер, приехавший из Адлера, рассказал нам новость, что на днях черкесы напали на цепь днем, после обеда, изрубили 54 человека, а 26 пропало без вести (вероятно, взяты живьем), и удалились без всякой потери...

31 июля. С Полтининим ходили для рубки лесу для крепости 3 батальона, наш батальон был в левой цепи и несколько раз выбивал черкес на ура, которых конных и пеших было против нас до 100 человек. При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькой рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собой, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские или абазехи, которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть. Аул в роше, которая назначена была для рубки, заняли мы благополучно, ибо черкесы оставили его, боясь быть отрезанными. Я до того сегодня запыхался и устал, что вряд ли бы был в состоянии бежать еще дальше: видя перед собой неприятеля, позабываешь об усталости. Занявши аул, мы тотчас заняли выгодные для нас позиции, в авангарде пошла сильная перепалка, но пушки заставили черкес на время замолчать. Не прошло часу по занятии позиций, как черкесы, сделав несколько выстрелов с противной стороны, вдруг гикнули (человек 50) на последнюю пару авангардной цепи, изрубив ее, кинулись в интервал, оставленный между авангардной цепью и цепью с левой стороны для пушки, на резерв, и, перерубив шашками несколько человек и видя, что бежит на помощь рота, ушли и спустились в балку; они успели с двух изрубленных снять сапоги и у одного отрезать суму с патронами. Вырубив 29 деревьев, мы отретировались почти без потери, заплатив, однако ж, не слишком-то дешево... Удары шашками чрезвычайно сильные и больше в голову, так что раненные шашками вряд ли останутся живы...

3 августа. Приехавший сегодня лазутчик объявил, что

сюда приехал Казбич с 500 или даже и более (шапсугами. — уточнение И. Грозовой), что он намерен напасть на лагерь ночью, по каковому случаю и велено быть всегда одному батальону по очереди готову...

5 августа. Полтинин с четырьмя батальонами и с 8 орудиями ходил сегодня на фуражировку. Черкесы были в сборе, их было до 500, и они делились на несколько колонн, коими командовал один развезжавший сзади их на белой лошади мулла или гаджи (как у того, так и у другого шапка оборочена белой шалью, но первый есть священник, а вторыми называются все те, которые были в Мекке). [Вполне возможно, что этот хаджи — Кизбеч Шеретлуко, шапсугский тлекотлеш и один из черкесских военачальников. Джеймс Белл, лично знавший его, сообщает о том, что Кизбеч являлся хаджи, совершив паломничество-хадж в Мекку и побывав на обратном пути в гостях у знаменитого Мухаммеда Али, вице-султана или хедива Египта. — Прим. С. Х.].

Когда второй батальон Навагинского полка пошел на гору для занятия позиции, то черкесы, сделав по 2-й гренатерской роте залп, кинулись на шашки. Я был в это время в палатке, ужасный крик заставил меня выйти, и я видел, как наши бегом занимали гору, ужасный гик заглушал ура; черкес было пропасть, но они неожиданно попались, воображая, что тут только одна рота, между тем как 2-я гренатерская кинулась на них на штыки, 4-я мушкетерская и 5-я мушкетерская приняли их с боков и душили перекрестными залпами. Потеря черкес была ужасная: они едва успевали подбирать тела, а у нас убито всего трое и ранено два. Когда все замолкло и позиции нашими были заняты, то еще просвистело три или четыре черкесских пуль, и одна из них попала прямо в сердце Меньшикову, так что тот только успел вздохнуть. Полтинин, видя, что он порядочно отшелкал черкес, отправил свой 2-й батальон в лагерь и пошел с остальными тремя версты еще с две дальше, где совсем не видно уже было черкес и не было более пяти выстрелов при отступлении. Это послужит для них уроком, и они не будут сметать так близко подползать. Бедный Меньшиков был жертвой сегодняшней фуражировки, его очень жаль: он прекрасный малый и еще так молод, третьего дня он получил из Ставрополя от сестры золотой крестик и по получении, будто предчувствуя свою близкую смерть, просил поручика Рыкова, чтобы он потрудился отправить крестик обратно к сестре в случае, если его убьют...

7 августа. Полковник Бриммер с четырьмя батальонами ходил на фуражировку... егерь, кинувшись на ура, захватили одно черкесское тело и притащили его в лагерь, за что один из первых получил от Вельяминова червонец*...

О том, как Вельяминов платил за голову черкеса десять рублей — видимо, далеко не каждого, но по какому-то соображению заинтересовавшего его своим типажом — писал ген.-л. Г. И. Филипсон, начавший службу на Кавказе под руководством Вельяминова: «Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию Наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка... Драка за трупы и отрезывание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск. На первый раз, несмотря на воодушевление новизной картин и впечатлений, вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвал у меня чувство гадливости и омерзения». (Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1885. С. 127).

М. Ф. Федоров, также участник этой экспедиции, вспоминал: «23-го числа (23 мая 1837 г. — Прим. С. Х.), в полдень, мы приближались к гребню высот Виородабуй. В это время в передовой цепи завязалась сильная перестрелка; мингрельская и имеретинская дружина из колонны по ущелью понеслась вперед. Вскоре на правом фланге той цепи, примыкавшей к нашей, послышался гик горцев и крики «ура!». Затем, не более как через десять минут, когда наша рота приближалась к месту схватки, навстречу к нам спускалось с горы несколько милиционеров. Они везли пять неприятельских голов к начальнику отряда. Мне рассказывали приближенные к генералу А. А. Вельяминову, что он с ученой целью отделял черепа от неприятельских голов; иногда с замечательных лиц снимал портреты и все это отправлял в Петербург в общество физиогномов, да и сам занимался френологией по системам Галля и Лафатера; очень уважал гомеопатию, любил пользоваться своих приближенных по этой мето-

де, для чего и в походах имел при себе гомеопатическую аптеку».

См.: Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе... С. 73-74.

Казбич после фуражировки, бывшей перед этой, когда его отпотчевали отсюда, совсем уехал...

15 августа. Из Пшады пришло известие, что капитан Зуев, командующий 4-м батальоном, умер. Работа сегодня не производилась по случаю праздника Рождества Богородицы...

22 августа. Сегодня по случаю коронации государя и государыни — церковный парад с 101 пушечным выстрелом, флот тоже стрелял и развесил свои красивые флаги...

23 августа. Фуражировки теперь всякий раз будут нам дорого стоить, ибо поблизости фуражу нет, а надобно ходить верст за 10, где слишком большое народонаселение...

1 сентября. Целый день и целую ночь производится нагрузка на корабли. Черкесы с нетерпением ожидают нашего выступления, они разглагольствуют по горкам против лагеря...

Я полагаю, что в Пшаде и здесь истребили мы столько фуражу, что, верно бы, 1000 семействам черкесским достаточно было для прокормления себя целый год...

100 человек 3-й роты и сотня запорожских казаков, отправившись 29 августа вечером, ночевали не очень далеко от Вулана, 30-го числа в 3 часа утра по дороге к Адлеру заметили они турецкое судно на реке Гамитухадж, и так как видно было много черкес, то десанту не сделали, а разби-ли судно в прах ядрами (50 ядер было выпущено), и в это время собралось до 1000 черкес. Разбивши судно, они отплыли немного подальше от берегу и остановились на якоре, ночью снялись с якоря и пустились далее, и 31-го на рассвете у реки Чухух, недалеко от Субашей, заметили турецкое судно и сделали десант, в одну минуту оно было зажжено, запорожцы дрались молодцами, тут убит Борейко и ранен Рошковский... Судно это ожидало только попутного ветру для отплытия, ибо оно было нагружено медом, кукурузой и проч. Черкес под конец собралось очень много, но наши живо отступили под картечными выстрелами из парохода и брига. Тут взяли еще маленький баркасик. У черкес потеря была большая...

2 сентября. Выступили с Вулана до восхода солнца, версты три шли спокойно, потом началась сильная перестрелка в правой цепи; на перевале через гору Суемчеуатель черкесы сильно наседали на арьергард, и «кабардинцы», бывшие в арьергарде, захватили одного черкеса живого, коему тотчас связали руки и отдали в авангард под караул. Дорогой мы все истребляли, попадавшиеся копны сена и хлеба или брали с собой, или жгли, все аулы предавали пламени, так что все ущелье сзади было в дыму. Мы сделали 21 версту почти без привалу и остановились на ночлег, не доходя до Навагинской горы версты три...

3 сентября. С восходом солнца мы тронулись... До самой Навагинской горы была перестрелка, особенно же в правой цепи, но уже не столько сильная, как вчера. Мы пришли в Пшаду в 1-м часу пополудни и расположились около самой крепости. Итак, благодаря бога, мы совершили трехдневный переход в полтора дня, и можно даже сказать, довольно счастливо... Черкесы приезжали сегодня за выкупом пленного, но им не отдали, ибо не сошлись в условиях.

4 сентября. Здешняя крепость совершенно кончена, кроме казарм, которые еще не совсем кончены, в ней более 300 человек лежит теперь раненых и больных. В 4-м батальоне Навагинского полка, который здесь оставался, много очень переболело, и теперь в лазарете до 200 человек. Сегодня один черкес-старик перешел совсем к нам и уверяет, что им решительно нечего есть.

5 сентября. Сегодня утром 7 черкес, в том числе Эндароглу (Мехмет Индароко-Шупако. — натухаевский тлекотлеш, аул которого располагался в Пшате. — Прим. С. Х.) и Мегмет-али (главный кади Натух-ая и Шапсутии, упоминаемый в книге Белла. — Прим. С. Х.), первый бунтовщик, приезжали за выкупом пленного и согласились дать за него двух унтер-офицеров...

19 сентября. Ночью поднялся столь сильный ветер с гор, что посрывал все палатки, моя устояла до рассвета, но на рассвете я велел ее повалить, дабы ее не порвало в куски.

Все солдатские палатки лежали на земле, едва можно устоять на ногах против столь сильного ветру. Начали строить кухню для государя, но палатки ветер не давал ставить. Вельяминов хотел ехать в Анапу навстречу государю, но прибывший на пароходе адъютант Меншикова Васильев объявил, что государь будет или сегодня вечером, или завтра утром, почему Вельяминов и остался. 4-й батальон Навагинского полка и один казачий полк отправлены для занятия самого хребта гор до тех пор, пока государь находится будет в лагере.

20 сентября. В 8 часов утра увидели мы пароход, но не знали еще, кто едет, между тем пароход приблизился и, выкинув желтый флаг с орлом, разрешил загадку. Весь лагерь кричал: «Ура!» — с крепости, со всех корабельных орудий и из лагеря салютовали. Солдаты были в восхищении о приезде государя, они и одеваясь не переставали кричать, они никогда еще не видели русского владыки и потому с нетерпением ожидали, чтобы он высадился. Ветер не переставал, нельзя было и думать, чтобы государь съехал на берег, но всегда отважный и желающий поскорее видеть своих храбрых воинов, он в 11 часов утра съехал на берег и прибыл в лагерь. Солдаты построены были в боевом порядке на линейках в мундирах, ранцах и фуражках, офицеры — в сертуках и фуражках, при шарфах; прикомандированные кавалеристы — на правых флангах полков, к коим прикомандированы, а пешие — во фрунте. С трудом можно было стоять: фронт волновался и знамя едва могли держать. Государь обходил войска пешком, с ним — наследник, граф Орлов, Меншиков, Адлерберг, Кавелин и какой-то прусский штаб-офицер. Радостное «ура» сливалось от правого к левому флангу. Обошедши войска, государь пошел в палатку к генералу Вельяминову. В это время в Еленчике сделался пожар: загорелось сено и мука и сгорело всего тысяч на 200, почему и отправили тотчас в крепость один батальон.

Продолжение в следующем выпуске.